

Михаил Боярский
Полигон 704

Михаил Боярский

Полигон 704

«Издательские решения»

Боярский М.

Полигон 704 / М. Боярский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850927-8

Выжить на Полигоне без интуиции, или, если так можно выразиться, без «шестого чувства» было практически невозможно, разве быть может только первые пару часов. В результате здесь часто случалось так, что в первые часы погибали сильные, мужественные и подготовленные люди, а выживали интеллигентные дохляки и толстопузые очкарики, да и еще потом неделями отстреливали «бывалых», зарабатывая пилотки.

ISBN 978-5-44-850927-8

© Боярский М.
© Издательские решения

Полигон 704

Михаил Боярский

© Михаил Боярский, 2017

ISBN 978-5-4485-0927-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

01

Яркие языки пламени неторопливо облизывали огромную, щедро пропитанную креозотом, железнодорожную шпалу, – тепла подобное топливо приносило немного, зато полностью воспроизводило антураж ночного костра, служащего маяком для заплутавших и усталых путников, создавая для них мираж чего-то теплого и уютного, куда их манил слегка мерцающий свет догорающих поленьев.

Глядя на то, как лениво обгорают железнодорожная шпала, Евгений Семенович размышлял о том, что огонь обладает невероятной притягательной силой, действует буквально гипнотически, на тех, кто смотрит на него, и, как правило, не хочет отрываться от зрелища горящего мусора Полигона. Он пришел к мысли о том, что все дело в бесконечном разнообразии узоров, которое может рисовать на глазах наблюдателя пламя, так потрясающе быстро, что это вряд ли даже удастся описать математически. Напротив него, особо не размышляя о причинах гипнотизма, пляшущих языков пламени, восседало чучело, наспех сработанное им из мешка уже застывшего цемента, ивовых прутьев и полуистлевшего шерстяного шарфа, который и являлся главным связующим элементом в конструкции этой фигуры. Но самое главное в ней было то, (и это было видно на расстоянии даже в свете костра), что голову, наспех слепленную из местной никогда не высыхающей глины, украшает вполне полноценная пилотка.

Ночная прохлада все более настойчиво заявляла о своем желании познакомиться с ней поближе. Евгению Семеновичу не только хотелось погреть озябшие руки, но и, намочившие за день, ноги, а так же просушить отсыревшие носки, насадив их на палки. Однако, даже гипнотизм, невесело пляшущих на железнодорожной шпале, язычков пламени, он мог прочувствовать только через амбразуру, проделанную им в картонном ящике, в положении – лежа на полусгнившей листве, по большей части через прицельную рамку А Ка Эма, при этом, не смотря на ночной холод, изо всех сил стараясь не уснуть.

И поводов отключиться вполне хватало... Пока за исключением отдаленной и не слишком стрельбы, которая нужно сказать, не смолкает на Полигоне ни днем, ни ночью, до ушей Евгения Семеновича не донеслось ни единого звука, и кроме голодного кота, который ловил ночную стрекозу, и быстрой, как тень, заблудившейся косули, он так никого и не увидел. А пейзаж Полигона, состоявший в основном из разломанных металлических каркасов, невысоких гор мусорного отвала и редких кустарников, особо к бодрствованию не располагал. Единственное, что мог Евгений Семенович себе позволить, – это потихоньку переваливаться с боку на бок, чтобы навсегда не отморозить пока еще дорогие ему внутренние органы.

За мгновение до выстрела Евгений Семенович вздрогнул и очнулся, сон все-таки успел принять его в свои мягкие объятия, что в местных условиях порой было равносильно смертному приговору. Глиняная голова в пилотке упала и рассыпалась на несколько частей,

и конечно для стрелявшего это могло показаться не вполне естественным и насторожить даже малоопытного бойца. Несколько томительно долгих секунд Евгений Семенович не мог уловить никакого звука или движений в зоне обстрела, наконец, в тусклых бликах догорающего костра он разглядел мрачную, крадущуюся, фигуру с карабином наперевес, в зипуне, снабженном капюшоном, стянутым широким монтажным поясом, за который был, заткнут кухонный нож гигантских размеров.

Внезапно, словно на помощь Евгению Семеновичу из плена туч вырвался тонкий месяц, и сделал окружающий мир чуть более светлым и радостным. Фигура мгновенно остановилась, словно, убегающий с арены, клоун, внезапно вырванный из тьмы цирковым прожектором, и, похоже, замерла в недоумении, понимая, что каждый последующий его шаг в лунном свете будет все менее безопасным.

Поймав грудь застывшей мишени в рамку прицела, Евгений Семенович уже готовился нажать на спуск, как почти вдруг к нему пришла уверенность в том, что пришедшего кто-то прикрывает, и обнаружить свою огневую позицию, для стреляющего, будет смертельно опасно. Похоже, в этой ситуации не только он один пользовался приманкой...

Выжить на Полигоне без интуиции, или, если так можно выразиться, без «шестого чувства» было практически невозможно, разве быть может только первые пару часов... Дальше оставались только те, у кого в роды родов, оно дремало, не будучи востребовано даже десятилетиями, но потом внезапно просыпалось, и, как ни в чем не бывало, принималось за свою берегающую работу. В результате здесь часто случалось так, что в первые часы погибали сильные, мужественные и подготовленные люди, а выживали интеллигентные дохляки и толстопузые очкарики, да и еще потом неделями отстреливали «бывалых», зарабатывая пилотки.

Евгений Семенович, зная, чему он обязан своему выживанию, был послушен собственной интуиции беспрекословно, более того, он научился подключать к ней свое воображение и логическое мышление, тем самым опережая в оперативном планировании многих своих конкурентов, большинство из которых уже почил... И на этот раз он, включившись в ситуацию, смог увидеть гораздо больше, чем, к примеру, независимый зритель, сидящий в полной безопасности за монитором.

Зловещая фигура с ножом за поясом и карабином в руках, в сущности, не представляла собой никакой опасности, но служила живой декорацией с целью спровоцировать огонь на себя и таким образом вскрыть огневую позицию противника.

Евгений Семенович чувствовал, что что-то злое и опасное скрывается за видимым силуэтом – там, в темноте, вне досягаемости лунного света... Он надеялся на то, что оно себя каким-либо образом проявит или обозначит, особенно сейчас, когда видимая фигура трусливо застыла на месте, опасаясь, сделать очередной шаг вперед, но все окрест было по-прежнему тихо, и только звуки отдаленных выстрелов и приглушенные крики раненых и умирающих мешали тишине быть практически полной.

Прицел автомата измерял темное пространство в тени кустарника, из которого вышла фигура с карабином, разодетая, как флибустьер времен расцвета приватиров, Евгений Семенович даже подумал о том, что повязка на правый глаз ей явно бы не помешала. Складывалась патовая ситуация, то есть Евгений Семенович Гольцман не повелся на кухонный нож за поя-

сом, и не выдал себя огнем, а тот, кто все это затеял, продолжал скрываться во мгле, и чего-то выжидать.

Терпение это вторая необходимая составляющая выживания в условиях Полигона, и тот, кто его сумел проявить однажды, пожав при этом некоторые положительные результаты, из которых собственная спасенная жизнь, являлся далеко не самым малозначительным, из всех сил стремился вести себя подобным образом всегда, в любой ситуации... «Терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка.» (Иак.1:4). Евгений Семенович никогда не забывал об этом, хотя и не всегда ему удавалось воплощать это в своей мирской жизни. Однако на этот раз он решил твердо стоять на Слове Божиим.

Тем временем человек с карабином на переднем крае уже выказывал признаки нетерпения, – двигаться вперед он явно не собирался, а все остальные его действия, судя по всему, должны были регламентироваться жесткими инструкциями, которых ему в данный момент явно не хватало. Вскоре Евгений Семенович увидел, как он, оборачиваясь назад, пытался что-то кому-то прошептать порядком осипшим голосом, тем самым указывая ему приблизительное направление расположения засады, но в ответ не услышал ничего...

Казалось чего проще, – две пули на «сердешного» с, похоже даже незаряженным карабином в руках, а потом – очередь в темноту, за ним, наугад... Авось попадем... Возможно, иной раз это бы это и сработало, однако, Евгений Семенович Гольцман, а так же все те, кто еще имел честь именовать себя выжившими в условиях Полигона, хотя бы даже пару недель, прекрасно понимали то, насколько опасно это самое слово «Авось» для тех, кто им не пренебрегает...

В эти столь много определяющие мгновения, жизнь по обе стороны Рубикона замерла, предоставляя противостоящим сторонам либо сделать выбор со всеми вытекающими из него последствиями, либо не делать оно, и принять участие в том, что из этого проистекало.

Евгений Семенович прекрасно понимал то, что тот человек, который пытается поймать его сейчас в рамку прицела, в данный момент понимает гораздо больше, чем бы ему, то есть Евгению Семеновичу, хотелось. И, вполне осознавая, то, что и его сейчас выцеливает вполне опытный боец, он ослабил поводок, тем самым оставив без инструкций своего обреченного подопечного. Таким образом, пауза затягивалась, и обоим стрелкам в этой ситуации приходилось уповать на случайность, которая в подобные моменты обязательно являла себя в своем бесконечном многообразии, но в чью именно пользу она срабатывала, без разъяснения свыше не мог сказать с точностью никто.

Случайность, повинувшись своим, никому не ведомым таинственным законам, не заставила себя долго ожидать, причем Евгений Семенович даже не сразу поверил в свою удачу, благо, что все-таки сумел вовремя ей воспользоваться. В самый тихий момент сцены противостояния он вдруг услышал, как в темноте в ожидаемом направлении из кого-то обильно и поэтому достаточно шумно выходят скопившиеся внутри газы. Затем послышалось короткое матерщинное слово, обозначающее запутавшуюся в любовных интригах женщину, и этого Евгению Семеновичу оказалось вполне достаточно...

Стрелял он одиночными, и уже после третьего выстрела почувствовал, что цель поражена, выпустив, на всякий случай, еще одну пулю, он поднялся во весь рост из своей засады, и без страха шагнул по направлению чучела с карабином.

– Ну, что, дяденька... На этот раз не прокатило? – Его собеседник на вопрос никак не отреагировал, только ствол его карабина нырнул еще ниже, как бы подтверждая, собственную бесполезность.

– Ты уже не молчи, солдатик... Даю тебе время покаяться... После чего и помереть безболезненно и вполне достойно... – Понимая то, что он глубоко не прав, из-за порой невыносимо саднящей сердечной боли, Евгений Семенович все-таки не упускал случая поглумиться над, тем, кто слабее, и уже фактически побежден. Однако этот персонаж явно отказывался причислять себя к таковым.

– Кто ты такой, что бы я перед тобою каялся? Тебе жить осталось только одну минуту, и то, преодолевая боль... – Фигура перед Евгением Семеновичем отбросила в сторону погибшего бесполезный карабин, и вынула из-за пояса, сверкнувший в лунном свете, кухонный тесак размером с абордажную саблю.

В полуночном сумраке Евгений Семенович не мог разглядеть лица своего оппонента, но, слыша то, как его мужской голос срывается почти на визг, понимал то, что он действительно смертельно испуган, и от истерики его отделяет едва заметная на просвет грань, которую он на этот раз решил не разрушать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.